

*Не быть никем, кроме как самим собой в том мире,
что день ото дня, ночь за ночью силится сделать
тебя кем-то другим, означает вести труднейшую
битву и ни на миг не прекращать сражаться.*

Э. Э. Каммингс

Пайпер решила спрыгнуть с крыши. С её стороны это вовсе не было необдуманным решением.

Это было частью её плана — забраться на самый верх крыши, набрать скорость, пробежав из конца в конец. И спрыгнуть.

И последнее, самое главное, — не упасть.

Планов на тот случай, если она всё же упадёт, у неё не было, ведь если, спрыгнув с крыши своего дома, ты приземлишься головой вниз, впредь никакие планы тебе не понадобятся. Даже Пайпер это знала.

Как спланировала, так она и поступила. Она спрыгнула прямо с крыши своего дома.

Но прежде чем рассказать, что было дальше, вероятно, надо кое-что объяснить.

Пайпер жила со своими мамой и папой на ферме. Ферма вообще-то не представляла собой ничего особенного: просто старый дом, обшитый досками, и притулившийся к холму амбар, который нехорошо покосился влево. Дольше, чем кто-либо мог упомянуть, Макклауды жили в округе Лоуленд на своих исконных двадцати акрах каменистой земли. Дед Пайпер, её прадед и прапрадед и далее и далее именно в этом доме сделали и свой первый вздох и все последующие, пока наконец здесь же не испустили дух. В этом доме родилась и Пайпер, и потому Макклауды не собирались отсюда переселяться. Бетти Макклауд полагала, что людям надобно оставаться на месте, а не разъезжать где ни попадя, дабы Всевышний знал, где их найти, когда они Ему понадобятся.

— Будь Господу угодно, чтобы всё вечно менялось, так и солнце не вставало бы всякий божий день одинаково.

Бетти была крепко сбитой женщиной, отличавшейся не красотой, но практичностью и верившей только в две вещи: Благую Книгу и нечто, именуемое ею «промыслом». Ну, например:

— Говорила я Милли Мэй не баловаться с этой новомодной тяпкой. Так чему удивляться, коли ли-

чинки клопов сожрали её помидоры. Это промысел, уж поверьте мне. Промысел.

В отличие от Милли Мэй, Бетти Макклауд никогда не искушала судьбу.

Джо Макклауд, долговязый мужчина, чье иссушенное солнцем лицо по цвету напоминало побуревшие осенние листья, ни слова не говорил о промысле, как и о любом другом предмете. Когда у него о чём-нибудь допытывались, он, поразмыслив хорошенько и неспешно подобрав слова, отвечал сдержанно:

— Ну, так уж оно и есть.

И, коли оно так и есть, иного Джо Макклауду и не нужно.

Так Бетти с Джо и поживали, никого не тревожа и обрабатывая свою землю; сменялись времена года, проходили годы, ничем друг от друга не отличавшиеся. Никто в округе Лоуленд не мог бы сказать, будто Макклауды делают что-либо не так, как положено. И так было до тех пор, пока однажды кое-кто не сказал именно это.

— Нетушки. Мне уж не положено, — спорила Бетти Макклауд с доктором Беллом, сообщившим ей, что она беременна. В конце концов Бетти прожила в браке никак не меньше двадцати пяти бесплодных лет, и её уже нельзя было назвать молодой женщиной.

А через четыре месяца Бетти Макклауд родила малышку дочь.

Крошку назвали Пайпер. Пайпер Макклауд.

Известие о рождении Пайпер стремительно разнеслось по самым отдалённым полям Лоуленда, где соотношение коров к людям было девяносто три к одному.

— Ей уж и не положено, — с горячностью убеждала Милли Мэй кружок шитья, и каждая из рукодельниц тотчас наострила уши. — Подумать только, женщина в возрасте Бетти Макклауд прогуливается с новорождённым младенчиком! Да к тому же с первенцем! Это неправильно!

Многие дамы закивали в знак согласия. Следом раздались зловещие предсказания о том, что в подобных обстоятельствах ребёнок непременно вырастет чудным, ведь у него ко всему не будет ни брата, ни сестры.

Впервые в жизни Бетти Макклауд испытывала судьбу. Она и сама знала об этом. И, уж конечно, ей не нужно было слушать пересуды местных сплетниц, чтобы осознать опасность. Желая восстановить порядок вещей и умилостивить Провидение, Бетти и Джо взялись за воспитание Пайпер со всей строгостью, как и полагалось растить Макклаудов. Иначе говоря, без малейшего потакания и нескладицы и с доброй долей

тяжёлой работы для пущей действенности. Они были просто честными фермерами и не одобряли тех блаженных представлений о воспитании, которыми забивают себе голову некоторые из горожан.

К большому их облегчению, Пайпер была в точности как остальные дети. Поначалу. Лишь тогда, когда Пайпер достигла возраста, в котором большинство малышей начинает ползать, её развитие отклонилось в неожиданную сторону.

Днём в самый обычный вторник Бетти принялась менять Пайпер подгузник на столе в кухне, так точно, как проделывала уже сотни раз. Всего на миг Бетти отвернулась, как вдруг Пайпер перевернулась и молниеносно скатилась со стола. Любой другой ребёнок тотчас упал бы на пол и горько заревел. Но не Пайпер. К изумлению Бетти Пайпер осталась *парить* в воздухе рядом с краем стола.

— Господи, спаси нас, — проговорила она и прижала ладонь к груди, пытаясь сдержать испуганный вздох. Пайпер хихикала и болталась в воздухе.

Бетти быстренько подхватила Пайпер на руки и с того времени больше не отпускала. Бетти на ум пришло слово «промысел». «Так тебе и надо, сама же поступаешь не как положено», — говорила левая половина мозга правой.

Несмотря на искренние молитвы Бетти, со временем ситуация не улучшалась, а только ухудшалась. Однажды Пайпер обнаружилась под потолком гостиной, где она покачивалась в воздухе, то ли не умея, то ли не желая спуститься. Пришлось послать Джо в сарай за лестницей. Пару недель спустя Джо увидел, что спящая Пайпер витает в полуметре над своей колыбелькой. А затем настал тот ветреный день, когда Пайпер вдруг вздумалось воспарить и её подхватило порывом ветра и занесло за три поля, пока она наконец не зацепилась за ветви дерева, оттуда Джо сумел её забрать.

Когда Пайпер исполнилось пять лет, а она по-прежнему могла неожиданно полететь по комнате, Бетти окончательно убедилась, что подошло время поднять этот вопрос.

— Кажись, она не в норме, говорю я вам, — беспомощно обратилась она к доктору Беллу.

— И каким же образом? — спросил доктор Белл. Док повидал, как не одно поколение жителей округа Лоулэнд рождалось, умирало и попадало в самые разные переделки. Он видел, как мальчишка Смитов выплюнул отвёртку и целую упаковку пятисантиметровых гвоздей. Он присутствовал при том, как Клара Касси Марекен повернула голову себе за спину и обратно. Доктор Белл слышал, как взрослый мужчина

говорил все слова задом наперёд, после того как его ударил по голове сеной пресс. У малышки, сидевшей на его столе для обследования и дрыгавшей ногами, было по десять пальцев на руках и ногах, и она была не выше и не меньше, не умнее и не глупее, не худее и не толще обычного ребёнка её лет. Одним словом, она ничем не отличалась от прочих фермерских детей Лоулэнда.

— Ну, я и мистер Макклауд, мы заметили, что она... — пробормотала Бетти, не зная, как описать недуг, — шибко шустряя.

Доктор Белл рассмеялся и отвернулся, чтобы вымыть руки.

— У ребёнка её возраста и должно быть энергии в избытке, не стоит об этом переживать. Пускай не сидит сиднем и много гуляет. С ней всё в порядке, она так же в норме, как и мы с вами.

Когда доктор Белл повернулся обратно, он увидел, что Пайпер каким-то образом исхитрилась подскочить на полтора метра в воздух и повисла на люстре, свисавшей с потолка. А затем начала раскачиваться из стороны в сторону. Доктор Белл поглядел на озабоченное лицо Бетти, и в голове его промелькнула мимолётная мысль, что, возможно, Пайпер Макклауд и в самом деле слишком шустряя.

— Э, да вам досталась маленькая обезьянка, миссис Макклауд, — засмеялся доктор Белл.

Получив врачебную рекомендацию, Бетти с облегчением оставила ребёнка в покое. И всё же она решила, что будет разумнее обучать Пайпер дома, пока она не перерастёт свою шустрость, пускай и вполне нормальную.

Когда Пайпер исполнилось девять лет, у неё уже были длинные каштановые волосы, заплетённые в две косы, ясные голубые глаза (они и ей самой нравились) и больше веснушек, чем звёзд на небе (их она ненавидела), а её постоянным спутником было одиночество и ещё какое-то чувство, которому она никак не могла подобрать название.

— А у тебя так было, что чувствуешь, что что-то не так, но никак не можешь раскумекать что, а пап? — Сидя на заборе, Пайпер смотрела, как Джо поправляет ослабший лемех плуга.

Джо недоумённо пожал плечами.

— У меня словно что-то зудит вот здесь, — продолжила Пайпер, ткнув себя под ребра, — но до этого места никак не добраться, и оно всё время чешется, только изнутри. Как думаешь, что бы можно сделать, чтобы унять этот зуд?

Джо снова пожал плечами. От разговоров с Пай-

пер у него часто голова шла кругом. Не то чтобы она употребляла непривычные слова — напротив, Пайпер говорила так же, как все в округе Лоулэнд. Но что за мысли были у этой девчонки в голове! Она задавала вопросы, которые и он сам за миллион лет не выдумал бы, и поэтому даже не знал, как подступиться к ответу.

— Я об этом давеча маме сказала, и она полагает, что это всё из-за дурацких мыслей, что гуляют у меня в голове, — Пайпер тараторила, не замечая, что отец теряется с ответом. — А я не думаю, что мои мысли дурацкие, но мама говорит, что лучше мне помалкивать, крепко стоять на земле и не высовываться. Она говорит, что нехорошо это, тратить время на пустые вопросы, когда работа простаивает. А я не понимаю, что дурного в вопросах. А ты, папа? Мама говорит, что в Библии сказано, что хорошо и что плохо, и нечего морочить себе голову, но мне кажется, что всё не так просто. Как когда ты убил нашу старую корову на той неделе, а я не хотела её есть, потому что она была моей любимицей и вдобавок такой доброй. Мама сказала, что переводить еду грешно. А я сказала, что может, это нам не надо вот так вот убивать и есть коров, раз они такие смиренные. Мама сказала, что это глупости, и Всевышний затем и создал коров, чтобы мы их ели. Но